

УДК 34.047
ББК 67.0

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ВОССТАНОВИТЕЛЬНОГО ПРАВОСУДИЯ

Соловьева Наталья Алексеевна

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского государственного университета
natalisoul13@mail.ru, upik@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Шинкарук Владимир Маркович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского государственного университета
shinkaruk_67@mail.ru, upik@volsu.ru
Проспект Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В представленной статье рассматривается проблема терминологического определения восстановительного правосудия, заключающаяся в неточности представленной формулировки. Восстановительные практики, как известно, характерны не только для судебных стадий уголовного процесса, но и для досудебных, в связи с этим возникает необходимость в уточнении понятия восстановительного правосудия и адаптации его к национальному законодательству.

Ключевые слова: восстановительное правосудие, восстановительные практики, примирительные процедуры, восстановительное производство, медиация, реституция, уголовно-правовой конфликт, примирение сторон.

Определяйте значение слов, и вы избавите свет
от половины его заблуждений.

Декарт

© Соловьева Н.А., Шинкарук В.М., 2013

Высказывание известного ученого очень точно отражает суть проблемы терминологической неопределенности, в том числе и в юриспруденции. Как известно, совершенствование законодательства часто сопряжено не только с позитивными перспективами, ради которых оно и производится, но и с трудностями, возникающими при их применении. В процессе своего реформирования уголовно-процессуальное законодательство может обогащаться дополнительными приемами законодательного регулирования уголовно-процес-

суальной деятельности – использованием в нормах закона оценочных выражений [2, с. 25]. Однако проблема использования оценочных понятий является не единственной касающейся терминологической неопределенности. На наш взгляд, опасность представляют и неточности в использовании понятий, изначально не несущих в себе адекватной смысловой нагрузки, поскольку они противоречат общепринятым представлениям о тех или иных явлениях или не совпадают с ними. Некорректное или неточное употребление отдельных терми-

нов может привести к трудностям как в самой законодательной технике, так и в правоприменительной практике.

Подобную терминологическую неопределенность можно наблюдать при изучении соответствующей научной литературы по восстановительным практикам. В большинстве источников речь идет о восстановительном правосудии. Вместе с тем не вызывает сомнений, что правосудие в традиционном понимании – это непосредственное рассмотрение дел судом, то есть судебное производство. Как же тогда быть с теми формами восстановительных практик, которые применяются в досудебном производстве, и которые, на наш взгляд, являются сутью данного способа коммуникативного поворота в современном развитии мирового, и в том числе отечественного законодательства и правоприменительной практики?

Российское уголовно-процессуальное законодательство дифференцирует все судопроизводство на досудебное и судебное, и правосудие является оставляющей судебного производства. Возможно, многие проблемы, связанные с перенесением восстановительных практик на отечественную почву, обусловлены расширительным толкованием правосудия. А истоки такого понимания лежат в истории становления данного подхода, который начал довольно интенсивно развиваться в разных странах мира примерно с 70-х годов XX века. Множество разнообразных течений, концепций и практик, базирующихся на идеях согласия и примирения, к началу 80-х годов было объединено термином *restorative justice* («восстановительное правосудие»). Вместе с тем позиция реагирования на преступления, в ядре которого – переговоры, примирительные процедуры и компенсация причиненного ущерба, восходит к глубине веков. Во второй половине XX столетия данный подход получил новую жизнь, будучи сегодня противопоставленным доминирующему карательно-юридическому способу ответа на преступление.

Сам термин «восстановительное правосудие» впервые был использован американским психологом Альбертом Иглашем (A. Eglash) в 50-е годы XX века для описания принципов, необходимых для развития гуманного правосудия. А. Иглаш определил три раз-

личных парадигмы правосудия: карательную, дистрибутивную (или распределительную) и восстановительную. В отличие от карательной парадигмы, которая ориентирована прежде всего на наказание правонарушителя, и дистрибутивной парадигмы, которая основное внимание уделяет реабилитации правонарушителя, восстановительное правосудие основано на идее ликвидации ущерба, причиненного жертве. Ответственность преступника в данном случае состоит в том, чтобы выстроить коммуникацию с жертвой, своими действиями оказать ей помощь, тем самым преодолеть свою вину и заложить фундамент своего некриминального будущего. Функция правоохранительных органов и социальных служб состоит в контроле восстановительных практик.

В настоящее время движение к распространению на уголовную сферу моделей разрешения конфликтов, базирующихся на идеях согласия и примирения, описывается разными терминами – «восстановительное правосудие», «общинное правосудие», «неформальное правосудие», «реституционное правосудие» (в документах ООН). Все это свидетельствует о том, что термин «восстановительное правосудие» является устоявшимся и широко употребляемым, и потому достаточно сложно обосновать необходимость использования другого обозначения восстановительных процедур. Вместе с тем представляется, что попытка взглянуть на термин «восстановительное правосудие» с позиции нецелесообразности расширительного толкования правосудия может оказаться полезной. Но прежде чем делать вывод о неточности термина и несовпадении его с содержанием, следует определиться со смыслом, который вкладывается в него.

Связь идей, провозглашенных Конституцией РФ, с восстановительным подходом в судопроизводстве очевидна. Ничто так не отвечает требованию всемерного учета и защиты прав личности, как процедура, построенная на началах примирения, основной целью которой является, с одной стороны, наиболее полное возмещение вреда, причиненного лицу противоправным деянием (при этом речь идет не только об имущественном или физическом вреде, но и об удовлетворении морально-психологических потребностей лица в по-

нимании, в желании быть услышанным, поделиться своими переживаниями в связи с противоправным деянием), а с другой – попытка ресоциализации лица, совершившего деяние, содействие его раскаянию и скорейшему исправлению [10, с. 96].

Основным стержнем восстановительного правосудия является улаживание конфликта между людьми без использования традиционных репрессивных средств уголовного судопроизводства [8, с. 42–43].

О компромиссе с преступником в рамках уголовного процесса можно говорить в двух случаях. Во-первых, по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, где для государства не столь принципиален вопрос об обязательном привлечении к уголовной ответственности виновника преступления, и допускается удовлетворение частного интереса (потерпевшего, гражданского истца, обвиняемого) за счет частичного отказа от выполнения императива о неотвратимости уголовной ответственности. Во-вторых, имеется в виду институт досудебного соглашения о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ). Компромисс государства с преступником в данном случае имеет в своей основе иные соображения: жертвуя принципиальностью в решении вопросов о привлечении к уголовной ответственности и наказании одного преступника, государство использует его помощь в изблечении других опасных преступников, раскрытии и расследовании тяжких и (или) особо тяжких преступлений [1, с. 21–25].

Стремление многих государств упростить процедуру судопроизводства по уголовным делам, в которых обвиняемый признает свою вину (см.: [3]), также связано с восстановительным подходом, который, в свою очередь, может быть распространен на стадию возбуждения уголовного дела.

В таких странах, как Австрия, Канада, Австралия, США, Сербия, Болгария и другие, приняты законодательные акты о медиации как одном из способов урегулирования уголовно-правовых конфликтов, закрепляющие ее на государственном уровне, поскольку в настоящее время в этих странах медиация достигла высокого уровня востребованности (см.: [6]).

Некоторые авторы указывают на невозможность использования гражданско-право-

вых моделей применительно к анализу современных уголовно-процессуальных явлений, в том числе досудебного соглашения о сотрудничестве [5, с. 176]. Совершенствование судебной системы России связано с вступлением в силу Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», позволяющего использовать институт медиации в сферах гражданского и арбитражного судопроизводства. Однако в нем ничего не говорится о медиации как альтернативном способе разрешения уголовно-правового конфликта, так как многие теоретики и практики уголовного судопроизводства с настороженностью относятся к идее медиации в уголовном процессе в силу как объективных, так и субъективных причин. Следует согласиться с мнением Л.В. Головки, что «уголовно-правовая медиация полностью выпала из поля зрения или даже считается теоретически невозможной и на концептуальном уровне логически противоречивой, поскольку идеи и техника якобы несовместимы с механизмом действия уголовного права и уголовного процесса» [4, с. 127].

Конечно, нельзя предоставить и государственным органам произвольно распоряжаться *re in iudicium deducta*, как это обычно могут делать стороны в гражданском процессе. Противники института медиации в уголовном судопроизводстве часто рассматривают процесс медиации как некое всепрощение, попустительство со стороны государства в отношении преступника. Полагаем, что такой подход во многом идеологизирован и строится на непонимании самой сущности института медиации [9, с. 26–27]. Вместе с тем учет и согласование мнений обеих сторон являются важными предпосылками для нивелирования и разрешения уголовно-правового конфликта и выступают в качестве важнейших гарантий обеспечения прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступления.

Российские исследователи нередко видят ускорение только через призму упрощения производства по уголовному делу, ставя при этом знак равенства между ускоренным и упрощенным производством. Зарубежные исследователи проблему ускоренного, или цelerантного, производства рассматривают как

имеющую различные варианты решения, а законодатель и правоприменитель используют для этого различные механизмы, начиная от упрощения уголовно-процессуальной формы и заканчивая введением дополнительных процедур. Такой подход позволяет разработать модель ускорения уголовного судопроизводства по самым различным категориям дел, даже по тем, которые традиционно относятся к разряду усложненных. Институт медиации в полной мере отвечает решению данной задачи.

Практическую позитивность или негативность этих изменений в настоящий момент обсуждать пока затруднительно. Вместе с тем очевидно, что восстановительные практики являются объективной потребностью современного общества, перспективным направлением реформирования многих социально-правовых институтов.

Рассмотрение вопроса о понятии и сущности восстановительного подхода в уголовном судопроизводстве позволяет выделить несколько моментов, служащих точкой роста во внедрении и распространении восстановительных практик:

1. Понимание восстановительного правосудия в широком смысле является общепринятым, но вместе с тем не бесспорным в юридической науке и практике, поскольку смещает акцент на судебное производство, в то время как оно характерно и для досудебных стадий уголовного процесса.

2. Предлагается вместо термина «восстановительное правосудие» использовать понятие «восстановительное производство» или «примирительное производство».

3. Представляется возможным расширить возможности восстановительного подхода путем законодательного закрепления использования института медиаторства в уголовном процессе.

4. Преимущества восстановительного подхода в судопроизводстве можно распространить и на проверочную стадию, до возбуждения уголовного дела, предложив в качестве документа, которым оформлялась бы данная примирительная процедура, например, согласительный протокол.

5. Наличие адекватных примирительных процедур способствует восстановлению

прав потерпевшего, уменьшает травмирующее воздействие системы уголовной юстиции и судопроизводства и является закономерной предпосылкой как быстрого разрешения уголовно-правового конфликта в рамках частного производства, так и обеспечения возмещения вреда, причиненного потерпевшему.

При рассмотрении обозначенных проблем становится очевидным, что восстановительный подход в уголовном процессе охватывает широкие слои отношений, затрагивая сферы как досудебного, так и судебного производства, потому было бы более правильным обозначать данную парадигму организации процесса как восстановительное производство, а не восстановительное правосудие.

Таким образом, изучение соответствующей тематической литературы позволило прийти к выводу, что проблема наличия и некорректного применения в юридической деятельности отдельных понятий остается актуальной, требующей дальнейшего изучения и анализа. Ведь от точности использования любого понятия зависит возможность применения процедур и наименование явлений, которые оно обозначает.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абшилава, Г. В. Соглашение сторон как способ разрешения уголовно-правового спора / Г. В. Абшилава // Российский следователь. – 2012. – № 5. – С. 21–25.
2. Аширбекова, М. Т. «Разумный срок» как оценочное понятие в уголовно-процессуальном праве / М. Т. Аширбекова, Ф. М. Кудин // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 2. – С. 21–25.
3. Волеводз, А. Г. Процессуальные аспекты упрощенного (ускоренного) уголовного судопроизводства в некоторых странах Европы / А. Г. Волеводз, П. А. Литвишко // Российская юстиция. – 2010. – № 10. – С. 38–41.
4. Головкин, Л. В. Институт уголовно-правовой медиации и его перспективы в Российской Федерации / Л. В. Головкин // Закон. – 2009. – № 4. – С. 127–135.
5. Карнозова, Л. М. Медиация как способ реагирования на деяния, запрещенные уголовным законом / Л. М. Карнозова // Уголовно-процессуальное законодательство РФ 2001–2011 гг. : сб. науч. ст. / Л. Б. Алексеева, Г. Н. Ветрова, Л. М. Карнозова

[и др.] / под ред. И. Б. Михайловской. – М. : Проспект, 2012.

6. Морщакова, Т. Г. К дискуссии о восстановительном правосудии / Т. Г. Морщакова // Неволя. – 2005. – № 4. – С. 25–34.

7. Касаткина, С. А. Соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе / С. А. Касаткина // Труды Ин-та государства и права РАН. – 2009. – № 6. Актуальные проблемы уголовного права и уголовного процесса. – С. 176–182.

8. Конин, В. В. Некоторые вопросы применения восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних правонарушителей / В. В. Конин // Российская юстиция. – 2010. – № 7. – С. 42–43.

9. Марковичева, Е. В. Роль института медиации в ускорении уголовного судопроизводства / Е. В. Марковичева // Российский судья. – 2009. – № 9. – С. 26–28.

10. Таубер, Л. Я. Иск, обвинение и состязательное начало / Л. Я. Таубер // Вестник гражданского права. – 1917. – № 2. – С. 70–105.

TERMINOLOGICAL PROBLEM OF DEFINING THE RESTORATIVE JUSTICE

Soloviyova Natalia Alekseevna

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Volgograd State University
natalisoul13@mail.ru, upik@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Shynkaruk Vladimir Markovich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Criminalistics,
Volgograd State University
shinkaruk_67@mail.ru, upik@volsu.ru
Prospect Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The problem of the terminological definition of regenerative justice because of the inaccuracy of its defining is considered in the present article. At the same time regenerative practices are typical not only for trial stages of the criminal procedure but for pretrial ones including bringing an action. That is why the necessity of the definition of “regenerative justice” and its adaptation to the national legislation originates.

Key words: regenerative justice, regenerative practices, conciliation procedures, regenerative procedure, mediation, restitution, criminal conflict, reconciliation of the parties.